

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ В РОССИИ КАК СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© 2014 г. В. А. Соснин

Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва

Рассмотрен феномен коррупции в современной России как проблема макропсихологии, ее социально-экономические основания и многообразные последствия в связи с социально-экономической политикой нашего государства. Анализируется ее связь с некоторыми глобальными тенденциями развития общества. Показано, что коррупция в России – это не только социальная, политическая, экономическая и психологическая, но и общая духовно-цивилизационная проблема. В работе обсуждаются причины коррупции в России; научно обосновываются пути комплексного противодействия ей с позиций правового, институционального, уровневого, социально-психологического и социокультурного подходов, а также через использование ценностных и нравственных ориентиров развития российского общества.

Ключевые слова: коррупция, идеология, макропсихология, безопасность, религия, экономическая политика, социальная идентичность, культурный архетип, социокультурный подход, социально-психологический феномен, коррупционные стратегии, противодействие.

В современных российских публикациях по общественным наукам проблема коррупции получила определенное освещение [6, 12, 15–17, 21, 28, 29, 31 и др.]. Коррупция как комплексный феномен – это процесс, который включает, по крайней мере, трех участников, являющихся составляющими его сторонами. “На макросоциологическом уровне эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – госчиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности” [29, с. 82]. Однако анализ проблем коррупции сегодня можно проводить и с иных позиций: “Большинство предложенных объяснений коррупции являются политическими или экономическими, культурные же факторы коррупционного поведения изучены мало и редко принимаются во внимание” [31, с. 7]. Некоторые другие подходы будут обсуждаться ниже.

Коррупция (от лат. *corrumpere* – растлевать, *corruptio* – подкуп, порча) – использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему государством прав в целях лич-

ной выгоды, что противоречит законодательству, моральным нормам и установкам.

На уровне здравого смысла (или обыденного сознания) коррупцией называют также подкуп должностных лиц и их продажность (надзорных служб, таможенников, администраторов разных уровней, преподавателей и т. д.). Характерной чертой коррупции является *конфликт* между действиями должностного лица и интересами его работодателя (государства) либо между действиями выборного лица и интересами отдельных социальных групп или общества в целом.

Конкретные виды коррупции подобны мошенничеству, совершаемому как должностным лицом, так и представителями бизнеса, и близки фактически к категории преступлений против государственной власти. Коррупции может быть подвержено любое должностное лицо или бизнесмен, обладающие реальными властными полномочиями по распределению каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению.

К таким лицам обычно относятся чиновники, депутаты, судьи, сотрудники правоохранительных органов, экзаменаторы, врачи и т.п. Главным

стимулом коррупции является возможность получения незаконной прибыли с использованием своих властных полномочий. Основной сдерживающий коррупцию фактор – риск разоблачения, уголовного наказания или морального осуждения.

Коррупция представляет собой значительное препятствие экономическому росту и в целом развитию страны, способна поставить под угрозу любые преобразования в ней. В ряде стран мира коррупция расценивается как уголовно наказуемое деяние, в частности, предусматривающее даже высшую меру наказания – смертную казнь.

Мы рассматриваем проблему коррупции в России с позиции макропсихологического подхода¹, т.е. обозначаем ряд социально-политических, экономических и социокультурных проблем развития страны, которые как базовые факторы являются основой сохранения безопасности государства, определяют его политику и имеют непосредственную связь с феноменом коррупции в нашей стране, в том числе и с ее социально-психологическими составляющими.

Цель данного исследования – проанализировать проблему коррупции с позиции комплексного подхода, включающего законодательно-правовые, институциональные, социокультурные и социально-психологические аспекты.

Задачи исследования – рассмотреть тенденции функционирования коррупции в современной России с учетом внутренних проблем российского общества и обозначить возможности противодействия ей на основе ценностных и нравственных представлений и ориентиров развития российского общества.

¹ Макропсихология (макропсихологический подход) – относительно новая область психологической науки, особенно в связи с развитием социально-психологической проблематики. К сфере ее анализа относится ряд общественно-психологических феноменов, связанных с базовыми явлениями общества: его социально-политическим и духовно-нравственным состоянием (и консолидацией), социальным самочувствием, базовыми проблемами, связанными с безопасностью страны (например, проблемой коррупции, наркомании и других). Традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, а макропсихология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом. Относительная новизна этой области определяется, помимо прочего, тем, что труды основателей социальной психологии в целом (Михайловский, Лебон, Тард, Бехтерев, Вундт и др.) были направлены именно на решение макропсихологических проблем (см., напр.: [9, 11, 13, 14, 27, 35, 36, 39]).

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

О проблеме коррупции в России сейчас много говорят и представители властных структур, и СМИ. Примерами многочисленных разоблачений “переполнены” и традиционные СМИ, и Интернет: это преступления в Министерствах обороны и сельского хозяйства РФ, сфере научной экспертизы диссертаций, спорте и других областях.

У населения страны в связи с этим возникает ряд закономерных вопросов к представителям властных структур о том, кто конкретно несет за это ответственность. Ведь все выявленные коррупционеры были назначены на государственные посты с санкции вышестоящих органов власти, чья задача – контроль, профилактика и борьба с преступностью, в частности с коррупцией. Да и контроль над функционированием экономических бизнес-структур, как государственных, так и частных, также находится в сфере их компетенции.

В нашей стране коррупция имеет целый ряд причин. *Во-первых*, в России радикальным образом изменился социально-политический строй: создан режим “свободного рынка”. *Во-вторых*, представителям властных структур государства объективно трудно выступать против коррумпированных олигархических объединений бизнеса и власти, поскольку они сами создавали этот режим и, как показывают исследования, некоторые из них сами участвуют в коррумпированных схемах на самых разных уровнях. *В-третьих*, “олигархический бизнес” в широком смысле в связке с властными структурами создал правила и даже “законы”, способствующие “свободе” коррупции.

В этом отношении можно сослаться на выводы, полученные в результате анализа сложившейся ситуации [15–17; 21]:

– борьба с коррупцией, скорее, подменяется борьбой различных групп коррупционеров друг с другом;

– происходит саботаж и блокирование борьбы с коррупцией, исходя из “идеологических” интересов коррупционных групп бизнеса;

– противодействие преступной идеологии “в борьбе с коррупцией” фактически блокируется отечественными неолибералами и др.

Важен также анализ *связей* проблемы коррупции с социально-экономическими параметрами

развития страны как основами дисфункциональности проведения социально-экономической политики и законодательно-правовыми ее составляющими. Эти базовые параметры нельзя не принимать во внимание также при исследовании социально-психологических аспектов этой проблемы.

Необходимы образовательные программы, нацеленные на изменение отношения населения к коррупции с нейтрально-снисходительного на отрицательное и нетерпимое, проведение политики массовых пропагандистских кампаний в СМИ.

Однако какие бы стороны проблемы коррупции не рассматривались, нельзя отрываться от анализа социально-экономических и политических связей власти и бизнеса, а также соответствующих правовых аспектов. Естественно, выявление и тем более конкретный анализ таких базовых связей – сложнейшая задача для социальных психологов, которая может решаться только во взаимодействии со специалистами других социогуманитарных областей науки.

Содержание *социально-психологического подхода* к борьбе с коррупцией можно обозначить следующим образом.

1. Необходимость выявления социально-психологической проблематики коррупции как системного феномена в связи с неэффективностью функционирования экономической, политической и законодательной системы государства (как меры его институциональной и социальной неэффективности), вызывающей социально-психологические последствия, которые и должна изучать психологическая наука.

2. Определение коррупционных стратегий во взаимоотношениях власти и бизнеса в зависимости от разной ориентации власти при проведении социально-экономической политики (инерционная политика, политика компромисса, социальная поддержка наименее обеспеченных слоев населения, “мобилизация” и “модернизация” (см., напр., [21]). Анализ социально-психологического фактора отношения населения к коррупции.

3. Выявление социально-психологических последствий коррупции в связи с противоречивыми тенденциями в политике властных структур России и способами их разрешения.

4. Определение действий в юридическо-правовой сфере, приведение к устойчивому развитию различных взаимосвязанных систем государства и общества, включая социально-психологические последствия такого развития.

Во взаимоотношениях власти и бизнеса в экономической сфере выявлен и описан ряд основных схем коррупционных отношений [там же]:

– “*захват государства*” – корпоративные и индивидуальные стратегии поведения представителей бизнеса, направленные на установление теневого контроля за принятием решений на высших уровнях власти;

– “*захват бизнеса*” – совокупность стратегий и тактик, с помощью которых власть в лице ее представителей или организаций стремится обеспечить себе теневой контроль над бизнесом с целью коллективного и/или индивидуального извлечения государственной или личной выгоды.

Кроме того, в рамках этих базовых коррупционных стратегий существует ряд промежуточных:

– *низовая коррупция* – масса мелких взяток, которая образует значительный поток платежей, перераспределяющий доходы бедных и средних групп населения в рамках сложившейся системы отношений в пользу коррумпированных чиновников;

– *административная коррупция* – намеренное внесение искажений в процесс предписанного исполнения существующих законов, правил и регулирующих положений с целью предоставить преимущества как государственным, так и негосударственным лицам в результате незаконного получения личных выгод государственными чиновниками;

– *верхушечная административная коррупция* – коррупция, охватывающая деятельность среднего и крупного бизнеса и сферу государственных инвестиций.

Естественно, что все эти коррупционные стратегии, как утверждает И.И. Исправникова, существуют в рамках проведения соответствующей политики власти, которая весьма противоречива и включает плохо согласующиеся тенденции [там же]. В качестве примеров ею приводится ряд социально-психологических последствий, которые возникают при проведении такой политики. Например, при использовании стратегии “институционального компромисса” власть и бизнес не противодействуют введению новой нормы закона, а проводят его деформализацию. Последняя заключается в том, что, не вписываясь в законодательные рамки, власть часто вынуждена в интересах выполнения своих функций предъявлять бизнесу требования, которые не могут быть оформлены в виде нормативных актов (например, незаконные просьбы и поборы, обращенные к бизнесу, касающиеся материальных инвестиций, и т.д.).

При этом возникают следующие коррупционные последствия таких отношений. Поскольку интерес представителей бизнеса к достижению компромисса с властью имеет двоякий характер: с одной стороны, развитие бизнеса, с другой – преодоление препятствий, связанных с несовершенными законами, в таких отношениях существуют два вида коррупции: “захват государства” и/или “захват бизнеса” [21].

Еще один пример, который приводит И.И. Исправникова, – это проведение политики “социального государства” – наращивание государственных расходов в социальном секторе, поддержка наименее обеспеченных слоев населения. Но в настоящее время, как утверждают специалисты, социально-экономическая система страны не в состоянии в полной мере обеспечить финансовую базу для соблюдения конституционных прав граждан на бесплатное качественное здравоохранение, образование, доступное жилье, развитие науки, спорта, культурного досуга и т.д. В связи с этим возникают возможности для коррупционных стратегий в этих сферах. Показательным примером является социальная политика государства в здравоохранении, позволившая выявить наиболее яркие примеры коррупции в этой области. Такие же коррупционные возможности возникают и при проведении политики “мобилизации” и “модернизации” в условиях современной России [там же]².

Системно проблему коррупции как научную и практическую можно рассматривать с позиций:

- законодательно-правовой базы;
- анализа функционирования социальных институтов общества;
- уровневого подхода: личности, группы, общества;
- социально-психологического подхода;
- социокультурного подхода.

Но при конкретном рассмотрении проблемы коррупции эти позиции можно разделять аналитически и только условно, т.к. обычно в анализе участвуют все ее составляющие. “Когда вся страна погружена в коррупцию, не может оставаться незапятнанной какая-то часть общества. Мы

имеем коррупционный спорт, коррумпирована вся медицина, естественно, коррумпированы и все литературные проекты...” [4, с. 6]. Естественно, многие социальные институты государства, такие как министерства, Госдума, юридическая система, правоохранительные органы и другие государственные структуры, являются объектами такого анализа.

ПРАВОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ В СТРАНЕ

Вначале сложившуюся ситуацию с проблемой коррупции рассмотрим с позиции развития ее законодательно-правовой базы. Это направление анализа непосредственно связано с вопросом безопасности государства, а для социальных психологов оно является “пограничным”.

Рассмотрим вопрос в историческом плане, т.е. как другие государства ранее решали эту проблему. В принципе это происходило сходным путем: проводилась, по меньшей мере, конфискация имущества коррупционеров в пользу государств, а в некоторых случаях практиковалось применение смертной казни.

В СССР коррупционер, “удержавший” от государства порядка 100 тыс. рублей, по законам страны, подвергался смертной казни и конфискации имущества. В результате в СССР уровень коррупции был значительно ниже, чем в современной России. Противники конфискации имущества коррупционеров утверждают: конфискация и смертная казнь – это проявление тоталитаризма; нужно проявлять гуманное отношение к людям; наша современная судебная система несовершенна, поэтому возможны несправедливые приговоры и т.д. Конечно, современная судебная система России явно несовершенна. Но в истории правоохранительных и судебных структур самых разных стран такая проблема решалась, а отказа от наказания данной категории преступников ни одно государство в принципе не допускало.

Во многих штатах США обязательная конфискация имущества коррупционеров входит в законодательную практику. Во всех странах Юго-Восточной Азии (включая Китай) конфискация имущества коррупционеров и даже их смертная казнь входит в законодательную практику. Уровень коррупции в них – один из самых низких в мире. Однако и в таких жестких условиях коррупция как явление не исчезает полностью из жизни общества. Если говорить о современной России,

² Объективные параметры коррупции связаны, прежде всего, с социально-экономической политикой государства, поэтому перед социальными психологами встает и теоретический, и практический вопрос, касающийся учета и соотнесения этих объективных параметров с социально-психологическими характеристиками феномена коррупции.

то в ней нет законов даже о конфискации имущества коррупционеров!

Современная Западная Европа отказалась от конфискации имущества коррупционеров и от смертной казни.

Социальные психологи, опираясь на свои профессиональные возможности, не могут давать рекомендации для введения конфискации имущества коррупционеров в законодательную практику, но они могут обоснованно ставить этот вопрос для широкого обсуждения в обществе.

Уместно привести ряд *статистических данных*. Согласно последним данным, Россия занимает 154-е место в мировом индексе восприятия коррупции (ИВК). Рейтинг, включающий 178 стран, был составлен международной организацией *Transparency International*. Доклад о ситуации с коррупцией в мире публикуется ежегодно, начиная с 1995 г. Индекс измеряет уровень коррупции в государственном секторе страны и основывается на данных опросов, проводимых среди экспертов и в деловых кругах той или иной страны. Этот индекс является самым распространенным международным критерием оценки коррупции.

По сравнению с предыдущим годом Россия опустилась на 8 позиций. По оценке *Transparency International*, ухудшению российских показателей способствовало отсутствие надлежащего контроля над доходами высокопоставленных чиновников (примером этого может служить “дело Магнитского”, коррупционные скандалы, в частности, дело компании *Daimler*).

В соответствии с данным индексом странами с более низким уровнем коррупции, чем в России, названы такие, как Иран, Зимбабве, Мексика. Тройку аутсайдеров, согласно этому докладу, составляют Ирак, Афганистан и Сомали. Наименее коррумпированными странами мира признаны Дания, Новая Зеландия и Сингапур, 4–5-е места занимают Финляндия и Швеция, на 6-м – Канада, на 7-м – Нидерланды. Далее идут Австралия, Швейцария и Норвегия.

Средний размер взятки в России с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долларов. Средний масштаб “откатов” в начале 2000-х годов составлял 5–10% от стоимости заказа, в середине 2000-х – до 30%, в конце 2000-х – встречается до 70%. А в 2011 г., по данным МВД, в нашей стране было совершено 28 млн. коррупционных актов. При этом в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее “объект” [15–17].

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЗАКОННЫЕ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Рассмотрим проблему коррупции с позиции анализа функционирования социальных институтов российского общества.

В настоящее время отказ от конфискации имущества коррупционеров в России, как утверждают многие аналитики, свидетельствует о стремлении к так называемой толерантности и соответствия “западному цивилизованному миру”. Но при этом нет ответа на простой вопрос о том, почему в ряде государств, к которым в нашей стране апеллируют противники введения конфискации имущества коррупционеров, сохраняется эта правовая норма³.

Приведем ряд социально-экономических, правовых и социально-психологических проблем российского общества как примеры дисфункционального применения законов в соответствующей сфере.

Проблема миграции. В современной России отсутствуют законы о жестком уголовном наказании руководителей, противоправно использующих нелегальных мигрантов из бывших советских республик. В России отсутствует жесткая и последовательная политика контроля миграционных потоков в страну [36–38]. “...извращенное понимание принципа толерантности в межнациональных отношениях в стране ведет не к межнациональному миру, а, наоборот, к их обострению (в том числе – и в сфере миграционной политики), к росту напряженности и террористической активности. Известный пример событий в Кондопоге, на Манежной площади, Пугачеве (и недавний – в Бирюлеве) убеждают в правильности высказанных соображений” [37, с. 100]⁴.

Необходимо вводить информационно-компьютерную систему единого учета пребывания мигрантов в стране. Правоохранительные структуры

³ То, что коррупция разъедает Россию, признают и руководители страны. Они говорят, что проблема коррупции напрямую связана с проблемой безопасности государства, и это требует своего специального обсуждения в обществе.

⁴ Миграционная политика, проводимая властными структурами России с акцентом на воспитание толерантности/терпимости коренного населения к мигрантам без всяких границ, не приводит к межнациональному и межконфессиональному миру. При этом происходит изменение этнической структуры славянских регионов страны – образование обособленных общин других этнокультурных групп, не склонных к интеграции с коренным населением и потенциально враждебных ему (подробнее – см. цитируемые источники).

“задыхаются” от отсутствия действенных законов, обеспечивающих борьбу с нелегальной миграцией. Они вынуждены пока выполнять сизифов труд – выявлять нелегальных мигрантов, выдвирать их из страны, но неконтролируемый наплыв последних снова все возвращает на круги своя.

По-видимому, в связи с этим оправданно мнение тех, кто предлагает ввести визовую систему въезда граждан из бывших республик СССР в Россию. Эта очень сложная и затратная система, включающая и политические составляющие, в настоящее время необходима (Президент в своем послании Федеральному Собранию РФ 2013 г. отметил это положение).

Проблема ЖКХ. Ее решение требует введения единых законодательных нормативов оплаты коммунальных услуг (с какой-то дифференциацией по типам жилья в регионах и с коррекцией на инфляцию) и ознакомления с ними населения. Психологически важно, чтобы люди понимали, за что они платят. Важно при этом введение жестких уголовных наказаний для руководителей управляющих компаний за преступления в этой сфере, но этого пока нет.

Эту проблему можно решить более эффективно, обращаясь к опыту СССР: создать государственную корпорацию по услугам ЖКХ, доходы от деятельности которой будут идти не в карман управляющих компаний, а государству. Понятно, что современные коррупционные схемы в ЖКХ – это питательная почва для управленцев (в том числе и для госслужащих) в получении многомиллионных неправоправных доходов. И законодательно сломать эти прибыльные преступные схемы пока никому не удается.

Особая проблема – *преступления сотрудников государственных служб*, к которым относятся армия, ФСБ, МВД, Прокуратура, суды и служащие государственных структур. Это базовые институты государства, которые сохраняют страну как субъект исторического процесса. И преступления сотрудников названных и других государственных структур наносят особый ущерб нормальному функционированию страны и создают особую социальную напряженность в общественном сознании населения. Для таких преступлений *необходимо вводить особое законодательство*, более жесткое, чем за преступления в других сферах социальной жизни (это существует и в западных государствах, к которым обычно апеллируют наши либералы):

– более суровые уголовные наказания (сотрудник структур госслужбы и обеспечения без-

опасности государства обязан подчиняться более жестким ограничениям в своей профессиональной жизни и поведении, а в случае нарушений должен нести более суровое наказание);

– безусловный запрет на участие лиц, преступивших закон, в последующей службе в государственных структурах;

– рассмотрение вопроса о возможности конфискации имущества для лиц, совершивших такое преступление.

В современной России обсуждение этой проблематики на законодательном уровне фактически находится в зачаточном состоянии.

В связи с этим сошлемся на работу отечественного психолога М.М. Решетникова, который провел историко-психологический анализ мер и способов борьбы с коррупцией в российском государстве с XVI по XX вв. Им определен подход к проблеме коррупции госслужащих в западных странах: “Законодательство о государственной службе в развитых демократических странах содержит ряд предельно конкретных законов, ограничений и предписаний. Но как отмечают законодатели, эти меры становятся эффективными только при условии их строгого исполнения и постоянного внутреннего (со стороны самих чиновников) контроля... Например, в соответствии с декретом Президента США от 17 октября 1990 года были введены в действие обязательные для всех чиновников исполнительной власти США общие принципы этического поведения членов правительства и госслужащих, включающие строгую регламентацию множества юридических и моральных норм поведения, обязательных как для чиновников высшего ранга, так и для рядовых госслужащих” [31, с. 92–93]. Далее он пишет: “Принятие законов о государственной службе..., а также жестких мер и ограничений для всех властных персоналий ..., для высших должностных лиц не должно быть в их же сфере компетенции” [там же, с. 98–99]. В западных странах этот принцип жестко соблюдается.

Автор утверждает: «У нас также есть подобные законодательные акты, например, Указ Президента РФ № 227 “О представлении лицами, занимающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе” от 04. 03. 98. *Вопрос в том – как он выполняется?*» [там же, с. 100].

Дискуссия в российском обществе о том, что более жесткие законодательные меры по отношению к коррупционерам будут непродуктивны, и

могут пострадать невинные, – это особый предмет полемики сторонников и противников введения жестких мер. Основной принцип решения этого противоречия, как представляется, состоит в том, чтобы *совершенствовать контроль государства за исполнением законов* и больше заботиться не о благополучии преступивших закон, а о благополучии законопослушных граждан страны и безопасности государства.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Теперь рассмотрим проблему коррупции в России с позиции социокультурного подхода.

Прежде всего, целесообразно дать одно пояснение. Анализ социокультурной проблематики – это изучение функционирования любого государства (поведения всех его членов, включая коррупционеров) с позиции социокультурного архетипа данной нации. Другими словами, это анализ проблематики с позиции культурных традиций и ценностей, правил и стереотипов поведения, выработанных данной социокультурной общностью (нацией, государством) в процессе ее исторического развития и с учетом ее религиозных основ.

Одним из важных культурных факторов отношения к коррупции является иерархичность преобладающей в стране религии. “При помощи статистических методов ряду исследователей удалось установить связь между иерархичностью преобладающей в стране религии и уровнем коррупции. Анализ 33 стран, при котором контролировались прочие характеристики, показал, что страны с высокоиерархическими религиозными системами (католичество, православие, ислам) более подвержены коррупции, чем страны с менее иерархическими религиями (протестантизм)” [29, с. 85]. Эти результаты были подтверждены в последующих исследованиях на выборке из 114 государств [43, с. 337; 44, с. 251–252].

Современный мир, как утверждают многие аналитики, характеризуется состоянием бифуркации: “...человечество находится в транзитном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформированы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей” [33, с. 5]. Это приводит, по крайней мере, к столкновению двух цивилизационных парадигм мироустройства – западной преимущественно индивидуалистической цивилизации и коллективистских культур, к которым принадлежит Россия.

Zanad – это ориентация человека на конкуренцию, на достижение личных выгод, на использование всех возможностей ради личного материального успеха, включая выгодное использование коррупционных схем, если такая возможность появляется. *Vostok* – это приоритет целого, т.е. группы, над индивидом, ориентация на социальную справедливость, коллективную взаимопомощь, милосердие и т.п.

Безусловно, речь идет об идеальных тенденциях, культурном архетипе поведения представителей двух цивилизационных парадигм существования. Реальная жизнь представителей этих цивилизационных общностей, конечно, сложнее всяких схем. И в реальной жизни все они могут вести себя по-разному, в том числе совершать преступления и осуществлять коррупционные действия. И тогда возникает конкретный вопрос об отражении этих социокультурных тенденций на отношении людей к феномену коррупции в этих сообществах.

Российская цивилизация по своему преимущественному типу – коллективистическая. И попытки ее слома и “встраивания” в цивилизацию Запада создают для народа *экзистенциальный конфликт*, которому он как социокультурная общность всегда сопротивлялся и продолжает сопротивляться⁵.

В культуре России коррупция – это отвергаемое деяние, осуждаемое подавляющим большинством людей, но отступление от этого принципа тем не менее заложено в его культурном архетипе. В реальной жизни русского человека материальные интересы временно могут превалировать над духовными. Но главное в психологии нашего народа – это базовая ориентация на жизнь в соответствии с ценностями Православия, даже у неверующих. Это также заложено в *культурном архетипе*, который простым человеком далеко не всегда осознается, хотя и проявляется в его поведении.

Ценности материального устройства жизни западного общества, которые в России последних двух десятилетий приобретают значение ведущих ориентиров жизни и развития страны, с трудом могут прижиться на нашей культурной почве. Молодое же поколение страны нередко позитивно реагирует на преобладание материальных ори-

⁵ Это было справедливо и для сохранения психологической целостности народа в период татаро-монгольского нашествия, и для развития традиционной культуры России, и для периода социалистического строительства в нашей стране [5, 32, 35].

ентаций над духовными, о чем свидетельствуют результаты конкретных исследований [18, 19, 40]. Это неизбежно приводит (необязательно прямо) к феномену терпимого отношения к коррупции⁶. Запад стремится любыми способами (информационно-оперативными, политическими, дипломатическими и экономическими средствами) навязать нам свои ценности как универсальный образец современного общественного устройства⁷.

В первом приближении можно говорить о двух подходах как предположительных вариантах решения этой проблемы. *Первый вариант* – возврат к духовно-историческим ценностям и идеалам своего Отечества, к социально-политическому устройству страны на основе базовых ценностей исторической России, т.е. с небольшой, но необходимой коррекцией создание социально-политической системы, отражающей традиции цивилизационного архетипа России. «...Геополитический анализ истории России с неизбежностью ведется вокруг линии “Запад–Восток” с концентрацией внимания на проблеме ее культурно-цивилизационной самобытности, которая и определяет дальнейшие исторические перспективы нашего государства» [2, с. 56–57]. Анализ воззрений отечественных мыслителей на русскую геополитическую традицию, на ее культурно-цивилизационное направление развития (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский и др.) показывает следующее. Они рассматривали Россию как своеобразный культурно-исторический тип цивилизации, как особый социокультурный мир. И главной опасностью для России они считали отрыв от своих национальных истоков [там же, с. 58–59], а духовно-идеологической опасностью для страны – концепцию космополитизма.

Второй вариант, связанный с первым – создание эффективной судебной-правовой системы, включающей обсуждение в обществе такой нормы, как конфискация имущества коррупционеров (не говоря уже о введении смертной казни). Представители высших властных структур государства также начинают высказываться в пользу законодательного закрепления данного положения. В рамках правительственного часа в Госду-

ме (2012) руководитель Следственного комитета (СК) А.И. Бастрыкин отметил, что за прошлый год выявлено почти 50 тыс. коррупционных преступлений, и это лишь надводная часть айсберга. Он также предложил вернуть в Уголовный кодекс меру наказания за экономические преступления – *конфискацию имущества*. Это, по его мнению, вернет в бюджет хотя бы часть огромных потерь. На расширенном заседании коллегии СК, где подводились итоги его работы за 2012 г., А.И. Бастрыкин заявил, что в России необходимо создать финансовую полицию для более эффективного расследования экономических преступлений, в том числе коррупционного содержания [3]. Глава МВД России В.А. Колокольцев высказался положительно о желательности и возможности введения смертной казни в стране: “Боюсь навлечь на себя гнев противников смертной казни, но не как министр, а как простой гражданин я не видел бы во введении смертной казни ничего предосудительного для подобного рода преступников” [22; см. также 8].

Россия подписала международные документы, направленные на борьбу с коррупцией, но фактически она не выполняет эти соглашения в главном – в *законодательном закреплении положения о конфискации имущества коррупционеров*. В международных законодательных актах по борьбе с коррупцией существует целый ряд базовых позиций, о которых хотя бы частично следует сказать. Конвенция Организации объединенных наций против коррупции (*UNCAC*) была принята Генеральной Ассамблеей ООН [23]. Она представляет собой многосторонний международно-правовой документ, вскрывающий природу коррупции, предлагающий разнообразные меры борьбы с этим общественным злом. Конвенция была призвана усилить антикоррупционное сотрудничество на международном уровне. В ней делается акцент на том, что коррупция подрывает экономическое развитие общества, явно снижает мораль, противодействует демократии, ослабляет борьбу с организованной преступностью, терроризмом и другими угрозами всеобщей безопасности.

Для подписания Конвенции 9 декабря 2003 г. была открыта в Мериде (Мексика) политическая конференция. Конвенцию подписали около 100 государств, а день начала конференции объявлен Международным днем борьбы с коррупцией. В целях координации усилий государств-участников была учреждена специально действующая Конференция, организационное обеспечение которой осуществляет Генеральный секретарь ООН через Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). Россия, в числе первых

⁶ Если жизнь строится преимущественно на материальных ценностях, русский человек теряет другие важнейшие жизненные ориентиры, самое же главное при этом – утрачивается архетип традиционного поведения, составляющий стержень системы регуляции социального поведения человека.

⁷ Если разрушается социокультурный архетип поведения представителя традиционного общества, ведущим в повседневной жизни рядового человека может стать (и становится) другое правило – все разрешено, а свобода при этом может пониматься как вседозволенность.

подписавшая Конвенцию от 9 декабря 2003 г., ратифицировала ее в 2006 г. (третьей среди стран Большой Восьмерки).

В своем выступлении на конференции заместитель министра иностранных дел РФ А.Ю. Мешков, в частности, отметил, что “Россия ведет с коррупцией бескомпромиссную борьбу и готова к конструктивному взаимодействию на антикоррупционном фронте со всеми государствами и соответствующими международными организациями”. Он также сообщил, что “Решением Президента Российской Федерации В.В. Путина в ноябре 2003 г. образован Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией, основной задачей которого является определение приоритетных направлений государственной политики в сфере противодействия коррупции” [там же].

Существует мнение, что Российская Федерация не ратифицировала статью Конвенции, которая предусматривает признание уголовно наказуемым деянием “незаконное обогащение” государственных служащих. В частности, в статье 20 Конвенции говорится: “При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающих его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать” [23]. Однако в Федеральном Законе РФ № 40 от 08.03.2006 г. “О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции” нет оговорки, исключающей данную статью. Иначе говоря, статья 20, как и все другие статьи Конвенции, Российской Федерацией формально ратифицирована и вступила в законную силу, но на практике содержание этой статьи не выполняется.

Существует также точка зрения, что к коррупции допустимо терпимое отношение. Один из ее аргументов состоит в том, что в истории развития многих стран – Индонезии, Таиланда, Южной Кореи, Сингапура, Швеции и некоторых др. – были периоды, когда экономика и коррупция росли одновременно.

Согласно другому аргументу, взяточничество есть лишь реализация рыночных принципов в деятельности государственных и муниципальных структур, а терпимое отношение к коррупции допустимо в условиях экономического бума, либо

пока она серьезно не сказывается на эффективности рынка в целом. Критики этой позиции основанно возражают тем, что страны с высоким уровнем коррупции после периода некоторого экономического роста утрачивают стабильность своего развития. Необходимо отметить, что в настоящее время, например, в Швеции и Сингапуре выявлены одни из самых низких уровней коррупции в мире.

Этот краткий юридически-правовой экскурс в отношении коррупции в международной практике приведен для обозначения некоторого фона, позволяющего точнее оценить ситуацию, связанную с коррупцией в России в настоящее время.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КОРРУПЦИИ В РОССИИ И ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

В психологии народов России (русского – как основного этноса, и других традиционных национальностей страны) есть внутренние факторы, связанные с социально-культурно-психологическими традициями отношения к преступлениям и коррупции. Эти вопросы обсуждались и ранее [15–17; 42]. Есть собственно психологические причины, заключенные в нашей культурной традиции, отношения к преступлениям вообще и к коррупции в частности, независимо от каких бы то ни было внешних влияний [26, с. 26–33; 31].

Одна из серьезных проблем – это известное превалирование в психологии русского народа *неформальных отношений* над формальными, чем, в частности, определяется практика кадровых назначений по принципу родственных и личных, дружеских, связей (это, кстати, свойственно и другим национальностям России, например, жителям Северного Кавказа), что в западной традиции в целом не приветствуется и даже осуждается.

Кроме того, в нашей культурной традиции нет строгого разграничения понятий “взятка” и “благодарность”. Русский человек воспринимает как собственное неуважение, если он не поблагодарит за полученные услуги, тем более значимые для него. В современной законодательной практике это и есть взятка, за которую может последовать юридически оправданное наказание. В связи с этим в психологии народа современной России есть проблема “взяточберущего–взятодателя”, исходя из социокультурного архетипа нашего общества. Это соотношение не в пользу взяточберу-

щего (соотношение в пользу взяткодателя – примерно 1 к 5), т.е. взятку в России просят в 5 раз реже, чем ее предлагают взяткодатели [15–17].

Психологически это означает, что в нашем обществе лучше дать взятку, чем бороться с коррупцией, что находится в соответствии с социокультурным архетипом русского человека. Социальные условия в современной России реально способствуют сохранению этой тенденции⁸.

Поэтому возникает вопрос о причинах такой подверженности коррупции в современных условиях российского общества в целом. Одной из них, как уже говорилось выше, является радикальная смена социально-политической системы государственного устройства. Оказывает влияние также коррупция в высших эшелонах власти, которая заразительна.

Но все же нерешенным остается базовый вопрос о том, почему население страны столь легко поддается на меркантильную ориентацию. *В нашем культурном архетипе имеются социокультурные ориентации терпимого отношения к преступлениям в целом и к проявлениям коррупции в частности.* Эти “абerrации” в психологии нашего народа, несомненно, требуют своей коррекции, в том числе и путем проведения целенаправленной политики со стороны властных структур [15–17, 42].

В психологии русского народа, например, доноительство осуждается в соответствии с нашим культурным архетипом. Это именно тот его компонент, который особенно закрепился в предыдущий социалистический период развития России. В западных странах подобные действия считаются не донотельством, а *обязанностью человека в борьбе с преступлениями.* Если человек видит в поведении других людей что-то противоправное, с его точки зрения, противоречащее закону, он обязан обратиться в правоохранительные структуры. Это его *обязанность* как гражданина⁹.

⁸ Когда у наших эмигрантов возникают проблемы с правоохранительными органами в новой стране пребывания, чаще всего они предлагают взятку, чтобы урегулировать ситуацию, т.е. проявляется социокультурный архетип поведения. Для западных представителей закона это в целом неприемлемо, поэтому они с ужасом смотрят на бывших россиян и ведут их, как преступников, в правоохранительные органы, чтобы там разобраться с ними.

⁹ В этом отношении ему достаточно представить анонимное заявление в правоохранительные структуры. Не нужно проходить длительную процедуру написания заявлений с обязательным предоставлением установочных данных заявителя. На всех стендах правоохранительных структур есть подробная информация: куда, как, к кому обратиться (с указанием телефонов). Правоохранительные органы обязаны рассмотреть заявление немедленно, невзирая на анонимность.

Н.О. Лосский в работе “Характер русского народа” [25], анализируя его положительные и отрицательные качества, сделал вывод: русский человек не делает различия между “*доносительством*” и “*гражданской ответственностью*”. Он в принципе отвергает свое участие в предотвращении преступления, даже если является свидетелем его совершения. Это социокультурный архетип русского человека, закрепленный в его исторической памяти. Однако данная черта не может быть императивно признана правильной, поскольку участие человека в социальной жизни должно включать активные действия по сохранению социального порядка в обществе, и в этом нет сомнения. Конечно, традиции и черты характера, закрепленные исторически в психологии представителей того или иного народа, изменять исключительно трудно. К этой проблеме в масштабе идеологической (и даже шире – информационной) политики следует относиться исключительно осторожно. Но в целом такой компонент культурного архетипа русского человека в современных условиях необходимо пытаться изменить¹⁰.

В работе В.М. Позднякова представлены результаты исследования коррупции в сфере образования: “Согласно обнародованному Верховным Судом РФ рейтингу профессий в 2008 г., на третьем месте среди осужденных за взятку оказались преподаватели образовательных учреждений” [30, с. 26; см. также 20]. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что 83% родителей считают необходимым для своих детей получение высшего образования, 75% готовы пойти на материальные траты, *включая коррупционные.* Причем 65% из них считают, что практикуемые материальные траты им вполне по карману, т.е. коррупция в этой сфере – это *нормальная* составляющая жизни российского человека [30, с. 27]. Утверждается также, что “...коррупция в сфере образования есть следствие падения нравов в обществе и подмены реальных ценностей мни-

¹⁰ В современной России человек, который хочет заявить о неблагополучной ситуации, должен пройти длительную процедуру оформления и представления своего заявления в правоохранительные структуры с обязательным указанием подробных сведений о себе. Кроме того, заявитель не может знать, предъявят или не предъявят правоохранительные органы его заявление самому предполагаемому коррупционеру, который может предпринять жесткие контрдействия в отношении заявителя, обвинив, в частности, последнего в злонамеренном оговоре и т.д. Это тот пример, когда нам следует скорректировать нашу политику в отношении борьбы с преступлениями, включая коррупцию, независимо от наших социокультурных предпочтений и принять в этом отношении уже проверенные в других странах методы борьбы с преступлениями.

мыми” [26, с. 30]. М. Лемуткина отмечает “крайне низкую правовую культуру граждан и наличие стереотипов обыденности взяточничества в высшей школе...” [24, с. 30; см. также 41]. Она приходит к следующему важному *выводу*: коррупцию в сфере образования необходимо рассматривать не только как недостатки образования в стране, но и как “условие блокирования развития нравственной культуры у подрастающего поколения” [24, с. 31].

Еще один пример – работа О.Г. Ананьева, в которой рассмотрен вопрос противодействия коррупции в правоохранительных органах России (на примере одной из правоохранительных структур). Основной *вывод* автора однозначен: в правоохранительных органах России в отношении к коррупции *есть своя национальная специфика*, и ее необходимо обсуждать и решать [1].

Можно привести, например, высказывание представителя властных структур России А.Я. Лифшица (в период высказывания – члена Правительства России). Отвечая на вопрос журналиста одной из московских газет, он заявил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подорвать экономические реформы [6]. Сходные позиции открыто высказывали и другие представители властных структур, включая “пионера” таких высказываний – Г.Х. Попова.

В целом можно сказать, что проблема коррупции в России – не только экономическая и политическая, но и вопрос внутренних психологических ориентаций российского гражданина, связанных с его социокультурным архетипом. Необходимо с критической долей ответственности понимать недостатки нашего национального характера и менталитета и не списывать все на внешние условия и влияния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал анализ, проблема коррупции в России по своему содержанию комплексная. Однако решение проблемы коррупции в стране в целом – это вопрос, прежде всего, реализации политической воли властных структур государства и важнейшая задача для всего общества, которая должна открыто обсуждаться.

По поводу сегодняшнего положения в российском обществе достаточно остро высказались В.М. Симчера и А.А. Нагорный, члены “Изборского клуба”: “Народ России вроде бы безмолвствует. Но это нехорошая тишина – затишье перед бурей. Люди с возмущением смотрят на все, что

происходит вокруг них, и мысленно задают себе вопросы – когда все это кончится, и кончится ли это вообще? Кто и каким образом за все происходящее безобразия должен отвечать? Безответственность власти нельзя наращивать бесконечно. Она, словно ядерный заряд, имеет свою критическую массу, после достижения которой взрыв неизбежен” [34, с. 3].

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2013 г. содержится много позитивных предложений в отношении развития нашей страны в глобальном противостоянии вызовам кризисного развития современной цивилизации, включая проблему коррупции. Заявлена необходимость декларации не только доходов, но и расходов госчиновников и их близких родственников. Заявлены юридические ограничения в поведении госслужащих властных структур страны. Даны права прокуратуре *обращаться в суд* для рассмотрения вопроса об изъятии имущества госслужащих, которые не смогли подтвердить его приобретение, исходя из своих доходов.

Эти позитивные изменения свидетельствуют о том, что высшие властные структуры государства ориентируются, прежде всего, на национальные интересы России. Главный же вопрос, состоящий в том, как эта ориентация будет воплощаться в реальной политике, пока остается открытым и актуальным. Властные структуры понимают, *что* нужно делать для управления общественным сознанием и социальным поведением больших масс российского населения. Некоторые технологии управления общественным сознанием и поведением людей вполне работают (см. [7, 10, 14, 37, 38]), но их необходимо использовать на благо нашей страны и народа, и многое здесь зависит от наличия политической воли руководителей самых разных уровней, включая руководителей государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев О.Г. Проблема коррупции в уголовно-исполнительной системе ФСИН России: социально-психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 164–181.
2. Артюхин А.С., Снигирев С.Ф. Геополитика как наука в России: история и современность // Геополитика и безопасность. 2009. № 4 (8).
3. Бастрыкин вновь призвал создать финансовую полицию // Росоткат – интернет-портал. URL: <http://rosotkat.ru/bastrykin-vnov-prizval-sozdat-finansovuju-policiju> (дата обращения 23.05.2013).
4. Бондаренко В. Конец “большой книги” // Завтра. 2012. № 51.

5. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
6. Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О.Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 427–455.
7. Грачев Г. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград, 2004.
8. Да, завтра смерть? // Завтра. 2013. Февраль. № 7. С. 2.
9. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
10. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
11. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.
12. Журавлев А.Л., Соснин В.А. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
13. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.
14. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
15. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.
16. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические аспекты коррупции // Наука. Культура. Общество. 2013. № 2–3. С. 81–92.
17. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 43–52.
18. Журавлева Н.А. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // Психологический журнал. 2012а. Т. 33. № 1. С. 30–39.
19. Журавлева Н.А. Экономико-психологические характеристики личности с разным типом ценностных ориентаций // Психологический журнал. 2012б. Т. 33. № 6. С. 34–49.
20. Ильченков М.З. Негосударственные вузы России: история, состояние и перспективы // Россия в третьем тысячелетии. М., 2001. С. 326–348.
21. Исправникова И.И. Коррупционные стратегии как результат институциональных нарушений при реализации сценариев развития России // Национальная безопасность. 2010. № 7/8.
22. В Кремле ответили на слова “простого гражданина” Колокольцева о смертной казни // NEWSru.com. URL: www.newsru.com/russia/11feb2013/execute.htm (дата обращения: 23.05.2013).
23. Конвенция Организации объединенных наций против коррупции (UNCAC). Резолюция № A/RES/58/4 от 31 октября 2003 г.
24. Лемуткина М. Хорошей взятки должно быть много // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/education/2007/06/07/_a_1783307.shtml (дата обращения: 23.05.2013).
25. Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957; М.: Ключ, 1990.
26. Максимов И.А. и др. Коррупция: морально-этические и экономико-психологические аспекты // Психология в экономике и управлении. 2011. № 2. С. 26–33.
27. Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
28. Нестик Т.А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Ч. 2 / Под ред. Л.М. Тимофеева и Ю.В. Латова. М.: РГГУ, 2002.
29. Нестик Т.А., Латов Ю.В. Что виновато – “плохие законы” или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
30. Поздняков В.М. Коррупционные преступления в сфере образования: нравственно-психологический и правовой аспекты // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 25–32.
31. Решетников М.М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2008.
32. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997.
33. Россия в XXI веке. М.: Академия геополитических проблем, 2012.
34. Симчера В.М., Нагорный А.А. Безответственность // Завтра. 2013. Апрель. № 17.
35. Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–61.
36. Соснин В.А. Психология, геополитика и терроризм: тенденции развития современной межнациональной и межконфессиональной ситуации в России // Нравственность современного российского обще-

- ства: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012а. С. 227–254.
37. *Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2012б.
38. *Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма в XXI веке: исторические параллели и современные геополитические тенденции // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 30–44.
39. *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008.
40. *Хащенко В.А.* Социально-психологические механизмы детерминации субъективного экономического благополучия: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 2012.
41. *Цагикян С.Ш.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика личности взяточников: "Черные дыры" в российском законодательстве // Юридический журнал. 2005. № 3. С. 327.
42. *Юревич А.В.* К проблеме базовых компонентов национального менталитета // Психологический журнал. Т. 34. № 4. С. 89–100.
43. *La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.* Trust in Large Organizations // The American Economic Review. Papers and Proceedings. 1997 (CXXXVII). № 2.
44. *La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.* The Quality of Government // The Journal of Law, Economics and Organization. 1999. Vol. XV (1).

PHENOMENON OF CORRUPTION IN RUSSIA AS SOCIO-POLITICAL, SOCIO-CULTURAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEM

V. A. Sosnin

PhD, assistant professor, leading research officer, Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow

Phenomenon of corruption in Russia as a problem of macro psychology is considered. The connection of corruption in Russia with global tendencies of civilization development is analyzed. Corruption in Russia is shown to be not only a social, political, economic and social-psychological problem but also a spiritual-civilization one. Reasons for corruption in Russia as well as formation of complex scientifically based opposition to corruption from legal, institutional, level, socio-psychological and socio-cultural approaches are discussed. Socio-economic foundations and diversity of corruption's consequences for modern Russia are considered in connection with socio-economic policy of the state. The possibility of opposition to corruption via moral-ethics values of Russian society is demonstrated.

Key words: corruption, ideology, macro psychology, safety, religion, economic policy, social identity, cultural archetype, socio-cultural approach, social-psychological phenomenon, corruption strategies, opposition.